

ПАВЕЛ АНДРЕЕВ

Ветеран Афганской войны

Родился в 1962 году в Казахстане, в семье геологов. Закончил Свердловский горный институт. Участвовал в боевых действиях в Афганистане, был ранен (потерял обе ноги). Работал инженером-геофизиком, занимался бизнесом. Ныне живёт и работает в Екатеринбурге. Пишет рассказы, публикуется на сайтах: www.artofwar.net.ru; www.okopka.ru.

«Писателем себя не считаю. Пишу для себя — из желания выговориться...»
(П. Андреев)

ПРАВДА ОБМАНА

Война — это правда обмана!

Задал вопрос — смотри не ошибись с ответом.

Книжный рынок местные называют «Яма». На ящиках и лотках (кто во что горазд) лежат книги, журналы, альбомы с марками, спичечными этикетками, почтовыми открытками. Особняком трутся нумизматы. Знают друг друга в лицо. Ничего не показывают, перешёптываются, обмениваются номерами телефонов и расходятся. Более общительны коллекционеры значков, орденов и медалей. Интересуюсь: что-нибудь про войну в Афганистане есть? «Вон, подойди к тому», — показывают на кекуса довольно зашарпанного вида. Подхожу.

Вытертая китайская ветровка с несмываемым иероглифом во всю спину. Спортивные когда-то плечи. Прямая спина. Ноги — на ширине плеч. Руки не болтаются — прижаты. Голова — сквозь короткий ёжик седых волос виден большой шрам надо лбом. Возраст — лет сорок пять, пятьдесят. Взгляд: первые секунды — внимательный, оценивающий, мгновенно стекленеющий от родившегося безразличия. Белки глаз жёлтые. Под глазами мешки — почки не успевают прокачивать выпитое. Печень при ходьбе наверняка стучит по коленям. На его лотке вижу образцы генштабовских карт, альбомы с чёрно-белыми фотографиями. Беру альбом, листаю. Фотографии — копии, кадры чьих-то историй и судеб. Распечатаны на хорошем принтере, отретушированы, собраны по тематике: Джелалабад, Кандагар, Кабул... Приятно удивила подборка цветных пейзажных слайдов Суруби и Бамиана.

— Что-нибудь ещё про Кандагар есть? — спрашиваю, возвращая продавцу альбом с фотографиями площади с пушками, элеватором — ещё без позиций батальона, поворотом на Рейгу.

— Есть. Посмотри. — Протягивает обычную папку для бумаг с тряпочными завязками.

Обращаю внимание на его руки. Старая золотая модель часов EDOX — время, преобразованное в жизненный опыт? Потёртый кожаный ремешок часов невыгодно подчёркивает тонкое запястье, узкую кисть с длинными пальцами, с коротко обкусанными ногтями. Наколок на кистях рук нет, собственно, как и характерных шрамов от порезов и ссадин. Открыв папку, замираю в удивлении. В ней собраны приказы по армии, боевые распоряжения по разведке, приказы командиров частей — всё по сороковой армии, с регистрационными штампами и номерами спецотделов, подписями, даже печатями! Документы — копии, но в отличном состоянии! С замиранием сердца начинаю листать. Подшивка собрана по годам. Ищу свой призыв. Джелалабад, Кабул, Газни... Есть — Кандагар! Всего несколько листочков. Начинаю читать и не сразу замечаю руку продавца, протянутую к папке в нетерпеливом жесте ожидания.

— Чё, денег? — спрашиваю раздражённо.

— Десять баксов за листок, — отвечает хозяин клада, не пряча глаза и не смущаясь.

Неплохой бизнес.

— Откуда копии? — спрашиваю.

— Прокурор? — отвечает вопросом на вопрос.

— Нет, просто интересно.

— При выводе кто-то потерял, а кто-то нашёл. Я лишь купил копии. Братъ будешъ?

— Да, возьму вот эти три. За 1982 год, по Кандагару.

Так я приобрёл на «Яме» ещё одну версию своего прошлого — официальную.

Чтение документов я отложил на вечер, чтобы в тишине и одиночестве окунуться в мир прошлого. Долгожданный вечер настал. Сажусь на кухне за стол, закрываю плотно дверь. Беру из холодильника бутылку водки, уже нарезанную и разложенную по тарелке селёдку. Аккуратно нарезаю ломтиками чёрный хлеб. Сервирую стол — вилка, нож. Что ещё? Так — стопку! Теперь всё — готов к погружению.

Основательно усаживаюсь за столом. Беру в руки листок. В левом верхнем углу штамп: копия № 2; регистрационный № 3205; дата — 2.10.1982 г.; войсковая часть — полевая почта 71176. В правом верхнем углу: секретно; экземпляр № 2; серия «ВН». В верхней части листа, по центру: командиру 70 ОМСБР; боевое распоряжение по разведке 40 армии № 2/0110; командный пункт — 6 километров юго-западнее Кабула, время — 20:00, дата — 28.9.82 г.; карта (масштаб) — 1: 200 000, издание 1980 года. Ниже идёт машинописный текст.

В течение августа — сентября сего года основной приток караванов с вооружением отмечался на Восточном (провинция Пактия) и Южном (провинции Кандагар и Гильменд) направлениях. Караваны двигаются

как днём, так и ночью. В целях сохранения живучести мятежное руководство приняло решение дробить караваны на мелкие – два-пять животных с восемью-пятнадцатью сопровождающими и охраной. Крупные караваны в настоящее время, как правило, не идут. В тактике передвижения караванов отмечены случаи, когда небольшие по составу (два-три вьючных животных) идут после двенадцати часов дня в жаркое время суток, когда применение авиации затруднено. В утренние часы движение караванов значительно снижено.

Проведено ряд мероприятий по усилению охраны государственной границы в провинции Кандагар (активно оказывает помощь пограничникам местное население), улучшена охрана Кветта – Кандагарского направления.

Группировки мятежников выявлены:

в провинции Кандагар – шестьдесят один отряд общей численностью до трёх тысяч мятежников;

в провинции Заболъ – одиннадцать отрядов численностью до девять сот тридцать пять человек;

в провинции Гильменд – тридцать шесть отрядов общей численностью до тысяча пятьсот сорок человек.

Командующий армией приказал:

Разведку в зоне ответственности бригады вести во взаимодействии с органами оперативно-агентурных групп армии, 2 РПП 1853 орадб ОСНАЗ, 2 АК ВС ДРА, ХАД Царандой с задачами:

основные усилия разведки сосредоточить на выявлении маршрутов доставки вооружения, вскрытия перевалочных баз и складов, своевременно уничтожать их. Особое внимание маршрутам: Кандагар, Чаман; Лашкаргах, Кушки;

Для разведки караванов с вертолётов иметь разведывательную группу со старшим офицером-разведчиком;

Силами разведывательной роты устраивать засады на вероятных маршрутах доставки оружия и боеприпасов...¹

Осень 1982 года — это же двадцать лет назад! Попытки прокрутить ленту воспоминаний в обратном направлении до конца так и не удаются. Фигурки не двигаются задом наперёд, как в кино, если пустить ленту воспоминаний не с того конца. Прошлое в лучшем случае оказывается разорванным на куски, смонтированные в произвольном порядке. Но внутри каждого отрезка ещё можно сохранить нормальную последовательность событий. Время в этих «фильмах о прошлом» всегда идёт вперёд, никогда не останавливается, не поворачивает вспять. Воспроизведение легко можно повторить, и эпизод каждый раз начинается с одного и того же момента. В своей переоценке воспоминаний я, как биржевой маклер, пускающий в оборот всю свою будущую прибыль, начинаю обращать внимание на новые детали, почти не оставившие следа в моей памяти...

¹ Орфография и стилистика оригинала полностью сохранена автором.

Три дня назад мне стукнуло двадцать лет! Кто знал, что мне придётся встречать свой двадцатый день рождения на пакистано-афганской границе? Раннее утро — часов пять. Солнце только встало, но уже приятно греет замёрзшую за ночь спину. Я лежу в ложбинке, спрятавшись за кладкой из камней, осматриваю окрестности в оптику прицела. Замаскировался так, что ни одна собака не найдёт — даже ротный! Который день смотрю один и тот же фильм про пустыню.

Шелест эфира неожиданно прерывается щелчками. Гера сигналил мне, проверяя, вижу ли я цель. Опаньки, что я вижу?! Те же и она, входит дряхлый посол: «Графиня, вам вести из Рима прислал ваш покорный слуга...» Афганец весело крутит педали шанхайского велосипеда. В прицел винтовки я рассматриваюдвигающуюся маленькую фигурку велосипедиста. Ошибки нет — он едет прямо на меня. Отвечаю на условный сигнал. Три раза нажимаю на клавишу, переключаясь с приёма на передачу. Вижу, вижу, вижу... Трудно не заметить одинокую фигуру в белой чалме на пустой дороге. Первое живое существо в пределах досягаемости, за тридцать часов ожидания. Вот облом! А я, наивный, надеялся здесь отсидеться, в этой яме.

На войне нет места для наивных и непосредственных. Что-нибудь одно — либо безразличное созерцание, либо контроль над телом, наполненным здоровыми рефлексамии, но без мыслей и чувств. Какие к чёрту эстетические созерцания! Рефлексы задавили наивные чувства. Человек перестал звучать гордо. Пропущенный через призму прицела, человек пуст и ничтожен, как этот велосипедист в пустыне. Люди на войне — это не то, что когда-то раньше называлось человеком. У них нет бессмертной души, только тело — пустая оболочка. Война разлагает душу. То есть распад души человека есть условие того, чтобы возникла война. Война — это распад, обращение внутреннего во внешнее.

У каждого разное отношение к тому, что он называет внутренним. Например, для меня внутреннее — это что-то наивное и недоразвитое во мне, детское и неоформленное. Для туркмена Мухамеда внутреннее — это боязнь остаться сержантом Советской Армии Абдуллой. Пытаясь что-то сказать по-русски, Мухамед сначала напряжённо думает. Наблюдая за ним, можно даже увидеть движение его губ, когда он переводит свои мысли с туркменского на русский. Он мысленно произносит готовую фразу. Проверая правильность её произношения, незаметно для себя шевелит губами. Убедившись в точности перевода, важно её произносит. Его тут же со смехом поправляют. «Э-э, у меня говор такой, да...», — отвечает туркмен, мысленно проклиная себя за то, что русский язык такой богатый, а он такой бедный. Живёт в Мухамеде маленький туркменский басмач, и выдавить его наружу Мухамед никак не может — не выходит

басмач наружу, не хочет, чтобы над ним все смеялись и называли сержантом Абдуллою.

На самом деле Мухамед — это кличка от фамилии Мухамедов, а имя его было Италмаз. Буквальное значение имени — «и собака не возьмёт». Считалось, что ангел смерти обходил стороной дом, где новорождённому дали подобное имя. Как правило, так нарекали ребёнка, рождённого после умерших в младенчестве братьев.

После ашхабадской учебки Мухамедов отказался быть сержантом — год бегал с земляками рядовым, пока взвод не попал в задницу под Лашкарёвкой. «Спокойно!» — кричал взводный, думая, что выглядит уверенным в этой неразберихе всеобщей паники. В чём он мог быть уверен? Ничто не определённо в бою. Да что могло быть определённым в тот момент для двадцати двух человек, которых кинжальным огнём опрокидывают в арык? Когда смерть плюётся в тебя свинцом, все те вещи, в которых ты так был только что уверен, кажутся просто глупостями!

Жизнь неопределённа — сама её природа неопределённа. И разумный человек всегда остаётся неуверенным. Жизнь полна неуверенности, полна неожиданностей — в этом её сила! Не цепляйся за определённые вещи, цепляйся за жизнь — за неопределённости. Никогда нельзя прийти к моменту, в который ты смог бы сказать: «Теперь я уверен». Если ты говоришь, что уверен, ты просто объявляешь о своей смерти — ты совершаешь самоубийство. Если бы каждый из нас знал, что может с ним случиться, жизнь превратилась бы в мёртвый механический процесс. Но жизнь — не механический процесс, она не может быть безопасной. Поэтому спасение там, где нет уверенности. Хочешь жить — двигайся в направлении, в котором растёт твой страх!

Взводный наверняка это знал, но это понимание ничего не изменило. Уверенность просто закрыла ему глаза на опасность. Он стал глупым и неразумным в своём желании победить. В своей глупости он почувствовал себя в безопасности — все идиоты чувствуют себя в безопасности. Какая в бою может быть безопасность? По-настоящему же живой человек всегда чувствует себя в небезопасности. Не опасность губит людей на войне — люди на войне гибнут в поисках безопасности! Только способность воздержаться от поисков безопасности в минуты опасности и есть умение держаться за жизнь.

Страх — самый сильный наркотик, который использует человечество. Самый глупый человек на свете испытывает те же чувства, что и самый умный. Когда взводного ранило, Мухамед начал орать как резаный. Когда такое слышишь, понимаешь что кому-то хуже, чем тебе и невольно успокаиваешься. Особенно когда кричат на туркменском. На самом деле Мухамед отдавал команды, но никто, кроме него самого, об этом не знал. Духи, слыша крики, даже опупели от непонятно. Трудно отрицать тот факт, что Мухамеду своими криками уда-

лось получить от духов передышку. Пока противник в растерянности соображал, что ему делать со взводом русских, которыми командует туркмен, мы все действовали так, как нам подсказывали собственные рефлексы. Взвод мгновенно рассеялся в поисках укрытий, словно тараканы под струей дихлофоса. В итоге получилась грамотная перегруппировка, и даже какая-то система огня появилась! Никто бы не узнал об этой туркменской народной хитрости, если бы комбат, увидев раненного взводного отдельно от взвода, не вышел на связь. Мухамед оказался рядом с радистом. Услышав по радиции крики, комбат попросил связиста передать ларингофон туркмену. Надо отдать должное комбату, перебивать докладчика он не стал. Прослушал комментарии на русско-туркменском языке. Попросил дать послушать перестрелку. Послушав наш «горох» на фоне духовских залпов, перекатал что-то в своей голове и коротко скомандовал: «Слышь, Абдулла, принимай командование. Собери людей, усиль огонь в направлении прорыва и группами выводи взвод по арыку. Мы тебя прикроем». Интуитивный ум комбата потеснил рефлексы перепуганного туркмена.

Вообще на войне всего две категории умных людей: люди, думающие рефлексами, и люди с интуицией. Когда человек умён и не знает о том, что он умён, — это один вариант, это думающий рефлексами человек. А ещё могут быть люди, которые умны и знают о том, что они умны. Это другой вариант — это люди с интуицией. Они утратили наивность по поводу беспричинности всего происходящего. Если у человека лопнула голова, он упал и умер — значит, его убили. И не важно, что не было слышно выстрела, — просто ты оказался к цели ближе, чем к самому стрелку. Ничего без причины не бывает. Реальный мир — это то, что находится здесь и прямо сейчас. Его нужно воспринимать. А особенно его нужно ощущать. Реальный мир — это первичное переживание. Это не свист пули, которая пролетела. Это не звук выстрела, который можно и не услышать, — пуля летит в голову быстрее звука. Реальный мир — это чёткое понимание того, что будь ты сейчас на месте стрелка, сам в себя ты бы не промахнулся. Понимание этого и есть интуиция! Ты падаешь быстрее, чем понимаешь, что в тебя сейчас выстрелят. Интуиция — это вспышка от выстрела, на которую реагируешь быстрее выпущенной в тебя пули. Интуиция — это то, чем немногие отличаются от многих. Такие люди находятся на вершине пирамиды войны.

В реальном мире нет ничего неправильного. Он содержит то, что в него вкладывается нами сейчас. Он не является правильным или неправильным. Если что-то неправильно, это не реальный мир. Мир, где что-то «неправильно», — это призрачный мир заблуждений. Поэтому те, которые умны, но не знают этого (они слишком наивны и непосредственны), — они думают рефлексами. Они замечают: «Что-то случилось за пределами меня, раз упал мой товарищ». Обычно причина для них скрыта. Смерть товарища

вызвало то, что у всех на виду, но для таких людей причина случившегося обязательно скрыта. Их поступки — это как бы манифестация идиотизма. Они думают, что он думает, что они думают. Они ожидают от противника чтения своих мыслей! Враг «должен» знать их чувства, мысли и намерения и действовать в соответствии с ними! Они уверены, что душман не должен стрелять в них, когда они в полный рост не спеша передвигаются по открытому месту. Они ведь не угрожают своему врагу — они просто идут с оружием в руках там, где им удобно идти, и не рассчитывают, что их «за это» убьют. Но враг не знает, что стреляет в идиотов, и наверняка сами идиоты не знают, что именно происходит с ними. Если нет ответа, то давайте подумаем. «Голова у солдата — чтоб думать, а мозги — чтобы соображать!»

Не умирай с вопросом, умирай с ответом — это единственное, чему их удаётся научить. Выучив ответ на первый вопрос: «Что ты сделал, чтобы этого не было?» — они не догадываются, что есть второй вопрос: «Дальше что?» Действия таких людей — лучший переводчик их мыслей. У них всё наружу. Они — предсказуемы! Зачем ловить в прицел мечущихся в панике идиотов? Их можно спокойно отстреливать, как испуганных зайцев, выстроившихся в очередь на подходах к заранее пристрелянным укрытиям. Да мало ли можно придумать поводов, чтобы заставить человека действовать рефлекторно. Спросите об этом хитрого деда Мазая с ружьём, он быстро придумает, как собрать зайцев в кучу в пустыне и без половодья.

Поэтому не стоит ломиться под прицельным огнём противника к легко доступным укрытиям — чаще всего это ловушка. Бесконечные занятия тактикой на пустыре, за батальонным сортиром, могут в кого угодно вселить чувство неуязвимости в любой ситуации. Тело привычно начнёт реагировать на знакомую уже угрозу, и возможно, даже появится ложное чувство полного контроля над ситуацией. Но даже вооружённый кремнёвым ружьём шимпанзе уложит такого бойца за пару секунд, не говоря о противнике с серьёзными намерениями. Такие люди — готовый расходный материал для войны. Посылать таких солдат на войну — значит предавать их!

Мухамед всё же стал басмачом Абдуллой и остался им до самого дембеля. Ему даже в наградном листе написали — Абдулла Мухамедов! Что смеяться? Абдулла-Италмаз всё сделал правильно, когда принял командование на себя. Он смог собрать всех в кучу, организовать систему обороны и стал ждать помощи. Кто не умеет плавать, тот должен хорошо нырять, — никто за нас самих не мог выйти из окружения. Дитя пустыни, Абдулла не умел плавать и мог этого не знать. Не можешь изменить ситуацию — меняй обстоятельства: выдавливай внутреннее наружу. Вход — это отверстие извне вовнутрь, в обратном направлении, именуемое выходом. Будучи проглоченным, на пути к полной заднице, выйти из неё не переваренным в говно можно только вызвав рвоту у того, кто хочет тебя сожрать. С поносом спешат выйти те, кого уже полностью переварили. Хочешь жить — выворачивайся наизнанку, до спазмов, харкая кровью и жёлчью.

Вывернутая наизнанку паника окружения — это атака! Выплеснув в противника море огня, мы смогли разорвать кольцо и, словно блевотина по пищеводу, ушли по арыку, вынося на себе раненых и оружие. Я полз по канаве, заполненной вонючей тёплой грязью, и думал, что если останусь живым, то обязательно прострелю себе ногу или руку, лишь бы уехать домой. Но домой я не уехал — хватило ума не делать себе больно. Я подумал: зачем смешить людей своей самодеятельностью, если вокруг столько готовых прийти на помощь профессионалов? Вместо меня домой поехал другой, боец моего призыва Кузнецов Витя. Взводный прострелил ему бедро из своего табельного пистолета.

Раны, нанесённые собственной рукой, всегда заживают медленнее, чем те, что наносит противник. Посетив Витю в госпитале, я его не узнал. Витя стал дерзким и злым, а в своей дерзости по отношению к медсанбатовским дембелям — даже храбрым до безрассудства. Естественный отбор в армии, в своей самой общей форме, означает выборочное выживание. Но живучесть и жизнь в армии далеко не сходные категории. Муравей живучее шакала, зачем ему превращаться в шакала? Опалённый солнцем камень — лучший пример приспособленности к местным условиям: с ним ничего не делается на протяжении миллионов лет. Поэтому в борьбе за место под солнцем здесь смерть побеждает жизнь! Ранение — это приз за победу в игре на чужом поле, с реанимационным счётом 0:3. На войне смерть прочнее жизни. Не веди счёт дням — счёт всегда идёт на секунды! Не играй в поддавки со смертью!

Одни организмы сохраняются, а другие вымирают — на то и война. Но для того, чтобы эта селективная гибель оказывала какое-то воздействие на мир, необходимо одно условие: каждый должен иметь свою копию, способную выживать в течение значимого эволюционного периода — одного призыва. Видимо, поэтому, когда убивают храбрых, храбрость не умирает. Она переходит к тому, у кого её нет, — к тому, кто прячется от жизни. Так, потеряв своего прежнего хозяина, она сохраняет жизнь новому. Ей, наверное, тоже не хочется постоянно скитаться по чужим телам, как и людям — по съёмным квартирам.

Везение — извлечение пользы из вреда. Вите повезло — рядом с ним умер храбрый человек. В первые секунды боя у него на глазах пуля снайпера расколола череп его земляку. Витёк намёк понял и, по уши в дерьме от страха, первым свалил из окружения — по арыку, набитому грязью, брошенными бронежилетами, касками и рюкзаками. Чтобы хоть как-то объяснить кентам своё бегство, он прихватил с собой взводного, раненного в живот осколками гранаты. Выползшего из задницы Витю очнувшийся вдруг командир тут же упрекнул в трусости. Пистолет командира оказался слабым аргументом для солдата, пережившего естественный отбор смертью. Любое существо под таким давлением обстоятельств обязано быть эгоистичным. Даже с пробитым бедром на приказ взводного вернуть его

назад Витя ответил твёрдым отказом. Зачем обманывать — вытаскивая на себе взводного, Витя думал в первую очередь о себе. Но кому захочется заново выворачиваться наизнанку, доказывая обратное таким же эгоистам, как и ты? Каждый мечтал сделать то, что сделал Витя, — даже взводный. Просто Витя это сделал красиво, слегка злоупотребив чужой слабостью — ранением командира. Да, это плохо. Но порок войны не в употреблении плохого, а в злоупотреблении хорошим!

Зря кусали Витьку, обвиняя в трусости. Витина готовность оставаться до конца неуверенным в своей затее с арыком была сутью его храбрости в том бою. Готовность после боя честно рассказать печальную историю про пулевую рану с пороховыми ожогами была сутью его доверия нам. Не желая оставаться непонятым, Витя выдавил из себя остатки своей наивности. Если вокруг тебя нет людей, которые в тебя верят, — ты не нашёл своего места! Смело отправляйся в новый поиск. Интуитивно осознав, что сумеешь победить, избегая боя, — вот высший пилотаж правильного поведения на войне — он взшёл на вершину военной пирамиды. Витёк, победив свои рефлексy, стал умным парнем. В основе его поведения лежало естественное намерение, которое было связано с окружением — в буквальном смысле этого слова!

Прощая, упрощаешь жизнь. Смысл поступка всегда заключается в реакции, которую он вызывает, а не в намерениях, с которыми он совершался. Поэтому бегство в бою — глупость! Врагу всё равно — поразить тебя в грудь или спину. Я думаю, у Вити на эту идею с арыком хватило мужества именно после того как он понял, что застывшая от страха жизнь хуже смерти! Подумай и не обманывай никогда, даже себя. Честность на войне — это привилегия. Витя зря надеялся получить её от взводного в знак признательности за сделанное. Привилегий от взводного он не дождался. Зато получил срок за членовредительство, отказавшись от возможности в первом же бою смыть кровью необоснованные обвинения в трусости. Победил тот, кто дольше лечился, — рана заживает быстрее, чем оскорбление. Вместо того чтобы сделать Витю героем, спасшим своего командира, комиссованный по ранению взводный сделал из него труса, оправдывая собственный идиотизм выстрелом в трусливого солдата. Солдат должен подчиняться слепому инстинкту командира. Так выдавили ещё одну каплю в море уже пролитой крови! Нормальные люди способны на весьма отвратительные поступки...

Война — как песочные часы, в которых два враждующих мира поочередно перетекают один из другого через пулевые отверстия. Чуть зазевался — и готово: кто-то уже жадно шарит по тебе взглядом сквозь прорезь прицела в поисках удобного места для проникновения внутрь. Убитый на войне — словно контейнер для чужого дерьма. Кому хочется вернуться домой помойным ведром или использованным презервативом? Каждый себя считает умнее других. Вон и велосипедист крутит педали — выдавливает наружу своё внутреннее желание побыстрее добраться к цели своей

поездки. Стараются, бедолага. Чтобы выжить, каждому приходится всё, что у него внутри, выдавливать наружу — страхи, слабости, надежды...

Мы как тот тощий мышонок, который без труда пролез в маленькую дырку в стене амбара с зерном, но наевшись, не смог вылезти обратно из-за раздувшегося живота. Выбраться из этой мусульманской мышеловки через дырку Саланга сытыми и довольными уже не получится! Уйти можно только такими, какими пришли, — голодными и уставшими. Поэтому и жжём караваны, бросаем свою добычу, чтобы не остаться здесь с ней навсегда. Насытившись добычей с караванов, тут же просираемся, попадая в засады на прочёсках, на сопровождениях колонн. Попав в задницу, из неё не выйти победителем. Победить — это выйти таким, каким вошёл. Прийти первым и уйти последним! Победитель здесь — это тот, кто первым оказывается готов к последствиям победы — ответу на вопрос: «Дальше что?»

Велосипедист настырно наматывает пыльные метры на велосипедную цепь. Что людям не сидится, мотаются по пустыне между Пакистаном и Афганистаном? Я перевожу дальномер оптики на двигающуюся фигурку. Отмеряю дистанцию до цели — примерно километра два, может, чуть меньше. Далековато. Двигается зигзагами, словно перебегает. С таким темпом ему ещё минут десять крутить педали до выхода на дистанцию моей прицельной дальности. Как правильно считать: последние полторы тысячи метров или последние десять минут? Дело не в длине пути велосипедиста, а в уменьшении моего ожидания. Ему достался кусок жизни длиной в две тысячи метров, мне — кусок из десяти минут. Десять минут — не тридцать часов. Подождём, дольше ждали.

Вторые сутки мы торчим на этой каменной шишке. Пришли сюда пешком за три часа. Отсюда до бронегруппы часа полтора хорошим темпом. Сидим и ждём приключений на свою задницу в километре от пакистанской границы. Чё припёрлись? Ни чихнуть ни пёрнуть — режим радиомолчания. Сидим, смотрим, как перед носом духи шмыгают вдоль границы.

Я молча докуриваю. Вредная привычка — ерунда, было бы здоровье. Жизнь здесь так даёт прикурить, что даже некурящие здесь курят. Курить вообще-то в засаде нельзя. Да пошли они со своими инструкциями! Победа на чужой гражданской войне — это не то, ради чего стоило бы класть свою жизнь. Нас здесь восемнадцать человек. Ротный, «каскадёр», замполит батальона, два местных проводника-белуджа, девять человек с нашего, четвёртого, взвода и четверо приданных нам с третьего. Эти четверо приданных бойцов — обуза, с которой я бы расстался без сожаления ещё в бригаде. Спихнули нам то, от чего сами не могли избавиться!

На следующий день после моего дня рождения, вечером в составе роты на пяти машинах мы выехали из бригады. Не доезжая до Спин-Болдака, свернули с бетонки налево, к Лой-Карезу. Всю ночь тряслись по ухабам, двигаясь по сухому руслу — строго на северо-восток. Ближе к утру нача-

лись горы. Русло реки проходило почти по пакистанской границе — приходилось двигаться скрытно. На место прибыли на рассвете, при параде — столб пыли, пакистанский базар в эфире на наших частотах. В общем, кроме нас и кандагарского рынка никто не знал о том, что русские поехали на пограничный афганский пост — в крепость Синджилакала. Крепость была старая. Сильно разрушенная, она сохранила былую внушительность своих стен. Гарнизон был чётко вымуштрован — все ходили как по линейке. Такая дисциплина объяснялась сплошными минными полями, которые постоянно обновлялись с обеих сторон. Душманы блокировали пост, чтобы пограничники не мешали им делать своё дело. Пограничники заботились не столько об охране границы, сколько о собственной безопасности, поэтому мин тоже не жалели. Приехав, мы расположились на территории заставы, в отведённом нам месте. Помылись, покушали и стали готовиться к ночному выходу — улеглись отсыпаться прямо под машинами. Но без проблем не получилось.

Выяснилось, что пока тряслись в броне всю ночь, один из четверых «командировочных» с третьего взвода сожрал полмешка наших сухарей — надо было видеть эту дробилку! Не доверяя им после этого, я настоял, чтобы их поставили в центр группы, доверив нести ленты и станок к АГС. Кто-то догадался повесить на них после съеденных ими сухарей РДВ с запасами воды! После первых сорока минут перехода, на первом же привале выяснилось, что эти уроды выпили четверть запаса воды. Дальше — больше...

Пока шли, все четверо из центра переместились в хвост походной колонны. Я шёл замыкающим — «буксиром». Всё, что не могло идти самостоятельно, доставалось мне — прицепом! Буксировать прицеп, идущий юзом, — я скажу, не самая лёгкая работа. Тычки прикладом и пинки — только так можно было поднимать упавших и подгонять отстающих. Когда пришли на шишку, до рассвета оставалось ещё часа три. Быстро рассредоточились по номерам и улеглись кольцом на склоне сопки. Я оставил смотрящих, назначив порядок смены — меняться через двадцать минут, при смене будить меня. В центре кольца лежали замполит батальона, ротный, «каскадёр» и два проводника. Через сорок минут я узнал, что одного из водоносов на месте нет. Молча встал и лично обошёл всех — точно, одного из них, Асанова, истребителя сухарей, не было! Я поднял пацанов, каждый проверил своих, но пропавшего среди них мы не нашли. Пока перебежали от одного к другому, разбудили своим движением ротного. Я чувствовал себя как молоко в кринке: если сейчас не употребят — завтра прокиснешь. Пришлось докладывать. Со мной для поддержки пошли два дембеля — туркмен Мухамед и даргинец Мага. Ротный молча выслушал меня и сразу спросил, где проводники. Белуджи вообще не ложились. Сидели в сторонке и молча раскачивались, закутавшись в свои верблюжьи одеяла. Свои АКМ они держали между колен, словно балалайки. Одним словом — индейцы. «Иди, докладывай майору», — ротный посмотрел на меня, на мою группу

поддержки, на белуджей — и трусливо бросил меня под танк. Командир решает только вечные вопросы, временные — решает сержант.

Ночной переход. Расстояние между ногами — один шаг. Изматывающий ритм движения, когда сначала отстаёшь, поднимая других, потом догоняешь, толкая перед собой отставших. Нервотрёпка с пропажей и трусливое самоустранение ротного. Всё это окончательно опустошило меня. Я даже не мог толком сообразить: что всё-таки произошло? Да, я пару раз врезал Асанову. Первый раз — когда он раздавал воду своим землякам на переходе. Второй раз — когда он отказался нести станок АГС, который я предусмотрительно обменял у него на РДВ.

Меня сделали крайним. Весь этот выход раздражал с самого начала. Ещё в первые минуты после выезда из крепости открытый задний люк БТР с навешенным на него ранцем Рахимова неожиданно упал и захлопнулся на очередной кочке. Рахимову, сидевшему на броне возле люка, перебило три фаланги на левой руке — указательный палец, средний и безымянный. Пришлось возвращаться. Замполит батальона, выехавший перед дембелем в засаду за наградным, рвал и метал. Ротный молча сносил наезды, а «каскадёр» откровенно стебался над ними обоими. Лишь проводники-белуджи молча наблюдали весь этот цирк и изредка трясли головами, как лошади в упряжке, отгоняющие назойливых мух. Мне с самого начала казалось, что они были просто-напросто обкурены.

Оставив Рахимова на точке, бронегруппа вернулась на маршрут. Нам следовало до утра прибыть в узкую долину, огороженную цепью высоких каменных сопок. Потерянное время нагоняли на своих двоих, срезая маршрут напрямик. Вымотались быстро. Местность была холмистая, за пологими длинными подъёмами следовали крутые спуски. Подъёмы брали в лоб — экономя время, не растягивались в серпантине по склону. Когда поднялись на первую седловину, мои носильщики уже умерли, каждый раза по два. Было противно и обидно. Только поднимаешься, как видишь развалившуюся на привале группу, которая, дождавшись тебя, снисходительно поднимается под команду: «Подъём, выходим». Ты садишься на землю и устало отваливаешься на спину, облакачиваясь на ранец. Мимо тебя проходят отдохнувшие сайгаки, а ты остаёшься со сдохшими на переходе уродами, упавшими кто где стоял. С каждым привалом их становилось всё больше и больше. Начав переход в обществе двух таких носорогов, я закончил поход уже в компании из пяти. После второго привала мне в помощь оставили Геру. Гера хоть и был ветераном, но ходить по песку так и не научился. Ритма нашему табору он не прибавил, хотя добросовестно старался не отставать. Когда мы с Герой пригнали это стадо, весь народ был уже на месте и успел отдохнуть.

Перед нами была та самая заветная долина. Её противоположный, более скалистый склон был уже пакистанским. Сама долина была когда-то рекой, которая разрезала небольшой горный массив, аппендиксом вдававшийся на афганскую территорию. Расположившись на каменной сопке, торчащей

в центре огромного древнего сухого русла, мы могли просматривать вдоль и поперёк всю пакистанскую часть долины. За спиной, километрах в пяти, был задрипаный афганский кишлак, который мы ночью обошли, оставив его слева. Кто помнит, тот подтвердит, что самое острое впечатление от ночных засад на границе — это контраст непроглядной темноты с афганской стороны и моря огней на пакистанской стороне. Так было и в этот раз. На пакистанской стороне долины, как новогодние ёлки, светились два кишлака. На дистанции два-три километра от них, одновременно объезжая с обеих сторон нашу сопку, от границы в нашу сторону двигались две светящиеся точки — машины. Замполит батальона, указывая пацанам на этот духовский беспредел, не скрывал своего охотничьего азарта. Офицер без мечты — что собака без крыльев. В этот момент мы с Герой и выгнали на него наших носорогов. Вид убитых переходом носильщиков с разбитыми губами и носами мгновенно убил весь командирский пафос. «Развели в подразделении махровый дембелизм! Вернёмся — я лично займусь тобой, сержант!» — своим злобным шёпотом майор, наверное, старался заменить крик, чтобы не нарушать маскировку группы. И после всего, что случилось, мне теперь предстояло сообщить ему о ещё одном обломе.

Замполит и «каскадёр» спали в нише, под небольшим камнем. «Под скалой», — подумал я, вспомнив профессора и его ассистента Макса из кинофильма «Большие гонки». Оба спали, обложившись какой-то хитрой оптикой, упакованной в финтипоперные мешки-ранцы. У обоих были трофейные пуховые спальные в нейлоновых непромокаемых чехлах. Под спальные были постелены поролоновые матрасы, зашитые в брезентовые чехлы. В голове у каждого лежали новые ранцы с НСПУ в чехлах. На стволах у автоматов были новенькие чёрные цилиндры ПБС. И спать хочется, и Родину жалко — гусары, одним словом. На хер им ПБСы с НСПУ — кто бы их взял в группу захвата? Я обошёл «каскадёра» и подошёл к спящему майору. Замполит был мужиком крепким и высоким. По возрасту он был старше всех офицеров батальона. Ни дать ни взять — пионервожатый, назначенный в подшефный отряд октябрят — мальчиков, охочих до красных звёздочек. Постоянно дрючил батальон своими ночными построениями в расположении. Истерик на таких построениях он не закатывал, но и жить спокойно не давал — спрашивал справедливо, по уставу. Здесь, в засаде, словно с цепи сорвался. Ярко светила луна. Камень, под которым устроились замполит с «каскадёром», отбрасывал лунную тень в сторону от ниши, в которой сопели командиры. Я присел на корточки в тень камня, у головы майора. Мне его хорошо было видно.

Человек спал. Большое и длинное тело лежало на боку. Колени были поджаты к животу. Большие кисти рук сложены «лодочкой» под голову. Лицо с суточной щетиной на щеках расслаблено. Складки на лбу и переносице распрямлены. Ухо со сросшейся волосатой мочкой забито пылью. Рот полуоткрыт, отчего губы казались пухлыми, надутыми, как у ребёнка.

С уголка нижней губы стекала тонкая нить слюны. Глазные яблоки под опущенными веками двигались — замполит смотрел сон. Сон — это маленькая смерть, наступающая ежедневно. А смерть, как и сон, — это сугубо личное событие: за нас никто не умрёт, и за нас никто не увидит наших снов. Я не стал будить замполита — хорошие манеры состоят из мелких самопожертвований. Спице быстрее, товарищ майор, — до подъёма осталось меньше минуты.

— В чём дело? — приглушённый окрик проснувшегося «каскадёра» разбудил спящего. Майор резко сел, не видя, кто перед ним. Пытаясь разглядеть меня сквозь тень, часто-часто заморгал глазами, стыдливо вытирая тыльной стороной ладони остатки слюны с подбородка. М-да, «ду-у-у-шераздирающее зрелище», как говаривал ослик Иа-Иа.

— Пропал боец Асанов. Когда пришли — был, стали выставлять часовых — не нашли, — коротко доложил я майору, наклонившись к нему из темноты.

— Всем занять круговую оборону. С проводников не спускать глаз. Выслать группу на поиск пропавшего солдата. А с тобой, сержант, я разберусь после возвращения. Сейчас иди и без бойца не возвращайся! Ротного ко мне! — раскомандовался проснувшийся.

Я встал и пошёл по направлению к парням, стоявшим тесной кучкой ниже по склону. Когда подошёл, они расступились — и я увидел Асанова! Оказывается, Асанов никуда не уходил. Он просто так устал, что скинул станок от АГС, ещё прошёл с десятков метров по инерции вниз по склону, где и свалился за первый же попавшийся камень. Всё то время, пока мы его искали, он дрых без задних ног! Кто мог подумать, что придурок ляжет спать прямо на склоне, под нашими стволами? Сил радоваться или огорчаться уже не было. Всё, что я смог сделать, это ткнуть его в зубы кулаком. Его губы лопнули, брызнула кровь. Упав, Асанов вскочил и бросился на меня с вытянутыми вперёд руками. Можно было подарить ему «двоечку» в голову, но если честно, было просто лень шевелиться. Я чуть сместился в сторону и ушёл с линии его атаки. Перехватил его руки, летящие мимо цели, простым захватом — за рукава. Асанов понял, что попался. Боясь, что я ударю его головой, он опустил голову вниз и попытался рывком освободиться из захвата. Упираясь, он забыл про ноги. Я поддёргнул соперника для верности, чтобы его обе ноги оказались на одной линии, и тут же сбил подсечкой на землю. Не давая ему подняться, ударил ногой под рёбра. Нас разнял ротный. Схватив сзади за шиворот, он задней подножкой легко уронил меня на спину. Асанову налили воду в панаму, дав ему возможность остановиться и вытереть кровь, капающую с лица. Предусмотрительно отобрал автомат, ротный приказал мне не попадаться ему на глаза до самого возвращения в бригаду. Остыв через пару минут, он всучил мне винтовку

вместо автомата и засунул в дозор. Майор ещё повозмущался по поводу порядков в роте, но тоже потом затих.

Скоро встало солнце, и шлаться по сопке, оставаясь незамеченным, было уже невозможно. Так начался первый мой день в этой засаде. «Каскадёр» что-то постоянно колдовал со своей оптикой. Замполит постоянно крутился вокруг него. Я не стал возвращаться с поста и, заменившись, лёг спать прямо на позиции. Отдохнув, пообедал сухпаем и опять продолжил службу. Ротный меня не дёргал, а напоминать майору о себе я не собирался. Асанов тоже предусмотрительно избегал меня. Я внимательно следил, чтобы его не было у меня за спиной. К вечеру все уже забыли о том, что случилось ночью.

Второй день был спокойнее. До рассвета «каскадёр» с белуджами, ротным и ещё двумя нашими пацанами уходили в сторону границы. Ярко светило солнце. Было жарко, и вода, выпитая на маршруте, наконец-то понадобилась. Погодные условия не стоят выгод, предоставляемых местностью. Осознав эту истину, всю вторую половину дня замполит считал запасы воды, выявляя и экспроприируя её излишки у самых предусмотрительных. Вернувшиеся вечером с группой белуджи, узнав, в чём проблема, быстро предложили простое решение — спуститься и набрать воды. В итоге, ночью была предпринята вылазка за водой. В группу вошли Мухамед, Гера и два белуджа. Я пошёл с ними в качестве сапёрной собаки. В километре от сопки проводники показали нам кяриз. Вход в него представлял собой узкую глубокую траншею, разрезающую от центра до основания небольшой земляной курган. По этой траншее мы и проникли в кяриз. Это был подземный коридор, по дну которого в сторону Пакистана бежал ручей, берущий начало где-то в афганских горах, — готовая подземная коммуникация, пригодная для скрытного пересечения границы. Ширина подземного коридора составляла около двух метров. Вытянув руки в обе стороны, я с трудом смог коснуться стен этого тоннеля. Темнота его, холод и журчание невидимой воды под ногами действовали угнетающе. Мы все одновременно кинулись к воде. Вода была ледяной, много выпить не получалось — так ломило зубы, что начинала болеть голова. Умывшись по пояс в полной темноте, я наполнил две свои трофейные алюминиевые фляги. После подземного мрака и холода ночь встретила меня стеной тёплого и сухого воздуха. Выполнив свою миссию, я добровольно удалился в ссылку к себе на позицию. Чем больше солдат спит, тем меньше от него вреда. Так два дня и прошли — один на один с самим собой. Я надеялся так провести и последний, третий день засады, но, видно, этому не было суждено случиться. С утра — и такие движения, что людям не сидится дома, прутся куда-то сломя голову...

Велосипедист медленно приближается, то скрываясь, то появляясь в складках местности. Его видно лишь потому, что он движется. Стоит ему остановиться, и я легко могу потерять его из вида. Глядя на двигающую-

юся фигурку, можно подумать, что едущий на велосипеде человек уверен в своей безопасности — наверняка так думает. И только я знаю, что он ошибается. Велосипедист не знает того, что я знаю это. Не знает он и о моём существовании. Как удержать его от нарушения границ моей безопасности и как предупредить его о приближении к границам поджидающей его опасности? Как сделать так, чтобы он понял моё предупреждение?

Несомненно, легче сносить трудности, если они являются результатом действия безличных сил. И они сильнее ранят моё достоинство, когда являются частью какого-то замысла. Я понимаю, что где-то рядом есть кто-то, кто знает о нашей группе всё, что мы с Герой сейчас знаем о велосипедисте. Кому-то известно, каким образом, чем и почему ограничено наше безопасное пространство. Количество машин позволяет узнать количество людей и их вооружение. Количество вооружения, максимальный боекомплект к нему, запас хода для техники и для людей — всё это легко позволяет определить радиус и время нашего действия. Для этого не надо быть семи пядей во лбу — достаточно хорошо знать район действий и характеристики техники и нашего вооружения. Зная границы нашей безопасности, этот кто-то не может подобраться к нам ближе, и только одним-единственным способом — убивая нас — он может дать нам знать о себе. Если я убью велосипедиста, я скажу кому-то, что я здесь. Но я знаю, что этот кто-то знает, что я здесь. Нет смысла прятаться, когда знают, что ты прячешься!

В мою сторону на велосипеде едет человек. Он — другой. В прицел винтовки всматриваюсь в тело на велосипеде. Он — смысл моего существования здесь. Он — граница моей безопасности. Достаточно мне переместиться за её пределы, как сразу появляется этот другой, мгновенно превращаясь в центр, вокруг которого он начинает выстраивать свой, чуждый мне мир. Я — точка отсчёта его мира, он — моего. Он — моя смерть, я — его. Он сейчас играет со мной в жмурки, а я с ним — в прятки. Я знаю его будущее, он моё — нет. Мы разные реальности, заполнившие общее пространство войны.

Смерть — это язык нашего с ним общения. Смерть — это единственное, что делает возможным наши контакты. Убивая, мы сообщаем друг другу о себе. Что-то же передаётся через смерть на расстояния в пространстве войны? Расстояние прицельной дальности пересекают символы. Это могут быть звук выстрела, свет от его вспышки, слова чужих команд в эфире, снаряды, пули, мины или что-то ещё. Каждый понимает по-своему эти знаки. Для кого-то это понимание чревато невиданными удачами, для кого-то — огромными бедами. Пространство, наполненное этими символами, и есть жизнь — пустая случайность, полная возможностей. Как бы хорошо ни был этот кто-то осведомлён обо мне, я должен ему доказать, что ещё жив!

Было ли то, что я помню? Забвение — это память об унижениях. Я наливаю водку в стакан. Выпиваю. Мир замирает. Тоска. За окном ночной город. По его улицам, освещённым пятнами жёлтых фонарей, медленно двигаются одинокие фигурки людей, пролетают машины. Всё уплывает куда-то. Я проваливаюсь в темноту афганской ночи. Время словно остановилось. Оно текло там и замерло здесь, сейчас. Выжив там, уже никогда не умереть по чьей-то воле здесь. Стрелка движется на часах, но это лишь видимость. Чем быстрее наступает будущее, тем сильнее изменяется прошлое. Выдавив из себя всё там, я освободил место, которое так и не нашёл чем здесь заполнить. Времени осталось очень мало. Его нет на войну с прошлым...

С оптическим прицелом легче попадать, но стрелять тяжелее. К нему приходится приноравливаться — глаз «привязан» к окуляру прицела и должен находиться на его оптической оси. Легче всего примоститься щекой на прикладе, но прицел стоит слишком высоко и голову приходится фиксировать подбородком. Шея от этого очень устаёт. При выстреле отдача подбрасывает винтовку и уводит пулю вверх, причём довольно далеко. То же самое будет, если «навалиться» щекой на приклад, как на скрипку. Опускать приклад в плече слишком низко тоже нельзя — отдачей оружие может выбить назад, вниз из-под плеча, и оптическим прицелом разобьёт нос или переносицу. Из-за боязни получить в нос, в момент спуска курка инстинктивно поднимаешь приклад правым плечом, при этом отрывы получаются влево и вниз. Но нет такого стрелка из снайперской винтовки, которому не хотелось бы сделать что-то по-своему, чтобы было не так скучно и мучительно.

Опираясь на левый локоть, кистью левой руки придерживаю приклад возле плеча, придавая ему устойчивое положение. Я так стреляю из ПК. Стреляя из винтовки, с удивлением вдруг обнаруживаешь, что дёргаешь за спуск или даже тянешь его в сторону. Это на пулемёт можно давить, как на пуг. Винтовка не ПК, «играть» прикладом вверх-вниз нельзя — разброс по высоте получается существенный. Для обеспечения точности боя упор должен иметь жёсткость, близкую к жёсткости руки. Поэтому винтовка у меня сейчас свободно лежит на ранце. Я наблюдаю в прицел, как велосипедист уверено приближается к нашему холму.

Вижу, как навстречу ему крадутся пацаны. Вижу, как они спускаются в овраг у подножья холма. Вижу, как туда весело скатывается велосипедист. Вижу, как он лихо, с ускорением выскакивает из оврага и, словно на финишной прямой, прибавляет оборотов. Я щёлкаю тангентой рации. Тишина. Я щёлкаю ещё раз — опять тихо. Велосипедист едет прямо на меня! Я отчётливо вижу его в прицел. Бородатое лицо. Свободный конец чалмы обёрнут вокруг подбородка — закрывает лицо от пыли. Когда он проезжает мимо

меня, отчётливо слышу, как скрипят педали его велосипеда. Я так долго его ждал, что обламываться второй раз не собираюсь. Велосипедист удалялся. Я ещё раз три раза подряд щёлкаю рацией — приём-передача! Команды по-прежнему нет! Я без колебания стреляю в удаляющуюся от меня спину велосипедиста. Дистанция была детская — метров двести. Если бы я или он вдруг отказались от своих намерений, то это было бы равносильно признанию наших с ним собственных ошибок. Но кто любит признавать свои ошибки? Он словно искушал меня! Смерть стала последним искушением велосипедиста. Опыт выхода из окружения, когда ломаешь жизнь, проверяя её на прочность, позволяет ошибаться значительно увереннее.

Убитый оказался гражданином Пакистана. Присутствие иностранного гражданина на территории страны, в которой идёт гражданская война, по законам военного времени чревато крупными неприятностями. Как было принято говорить в таких случаях пленным афганцам, «то, что ты сейчас писаешь стоя, ещё ничего не значит». Обыск пленного дал более веские основания для беспокойства. При нём были обнаружены: мощный фонарик, набор отвёрток, плоскогубцы, техническая документация на арабском языке с подробным реестром контактов подключения какого-то кабеля и карта района с детально нанесёнными на неё какими-то коммуникациями. Белуджи опознали его как «инженера», который обслуживал дизельную электростанцию на пакистанском пограничном посту. Куда и зачем мчался этот велогонщик, никто так и не смог узнать. Его закопали стоя, вместе с велосипедом, в трещине оврага, у подножия холма, с которого я его убил.

Мне никто ни разу не припомнил этот выстрел! Ни ротный, ни замполит батальона, ни «каскадёр». Вернувшись в бригаду, я не получил обещанных взысканий. Я даже забыл про этот выстрел!

Когда неожиданно встречаешься с рождённой тобой смертью, то кажется, что из-под ног уходит почва. Неожиданно приходит осознание, что смерть когда-то убитого тобой человека могла быть и твоей собственной. И приходит каждый раз по-другому. Кости афганца, зарытого стоя, — часть моей души. Так война превращает душу в кладбище чужих могил!

Но если нельзя уже изменить сделанное в прошлом — можно же понемногу менять свой взгляд на свершённое, подстраивая его так, чтобы случившееся вчера уже не выглядело столь заметно неверным сегодня? В документах же чётко написано, что 29 сентября 1982 года, в 8 часов вечера, за две недели до моего дня рождения, командующий 40-й армией приказал провести разведку в зонах ответственности бригады. 2 октября, через два дня, комбриг поставил комбату задачу на проведение засадных действий на вероятных маршрутах доставки оружия и боеприпасов. Отчёт о разведывательно-боевой деятельности следовало представить через двадцать три дня — 22 октября, к 8 часам вечера. Через двенадцать дней,

14 октября, рота выехала в заданный район. В ходе проведения засадных действий были получены данные о перевалочных базах и маршрутах перехода афганской границы. Были вскрыты система обороны пакистанской границы и схема наземных и подземных коммуникаций связи. Всё. Никаких подробностей. Никаких велосипедистов. Никаких драк. Никаких дисциплинарных нарушений. Словно не было ничего.

Всё в наших руках. В голове-то всего не удержишь. Я как биологические часы с кукушкой — помню своё прошлое, потому что оно однозначно определено моим настоящим. Почти вся информация о прошлом и о будущем содержится в сегодняшнем дне. Вычтите из сегодняшнего дня вчерашний, и очевидность завтрашнего дня перестанет вызывать сомнения. Это в нормальной жизни. Но времена меняются — довоенное, военное, послевоенное... Раньше были цели в жизни, теперь всё больше мишени. После войны обычный мир рушится, и масштаб времени идёт по какому-то странному, «тройному» счёту. Война рождает мир, в котором однозначно определено будущее, но возможны варианты в прошлом. Имея «обратную по времени» жизнь после войны, мы вносим неопределённость не только в своё настоящее, но даже в своё прошлое. Вернувшись словно из другого времени, мы помним прошлое, у которого, оказывается, есть множество вариантов!

Я бережно убираю подальше копии документов. Будущее, в очередной раз атакуя прошлое, с огромными потерями отступает назад. С убитым всё просто; с тем, кто его убил, сложнее — он мог быть и дьяволом и ребёнком. Убийца ли тот, кто убивает на войне? Я не убивал — это НЕ правда! Правда про войну, в сущности, просто трюк. Оставим поиски правды, похороненной где-то в Белуджистане вместе с велосипедом. Уже никто не сможет заглянуть в эту щель, между двумя взглядами на одну и ту же войну. Война — это правда обмана! Задал вопрос — смотри не ошибись с ответом.

17. 06. 2004

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВ

АГС — автоматический гранатомёт на станке.

АКМ — автомат Калашникова модернизированный.

БТР — бронетранспортёр.

«Каскадёр» — боец отряда «Каскад», секретного подразделения специального назначения КГВ СССР.

Кяриз — традиционная гидротехническая система в Средней Азии; представляет собой подземный канал (глиняную горизонтальную штольню), соединяющий место потребления с водоносным слоем.

НСПУ — ночной стрелковый прицел унифицированный.

ПБС — прибор бесшумной стрельбы.

ПК — пулемёт Калашникова.

РДВ — резервуар для воды; РДВ-12 предназначен для переноски воды.

Сухпай — сухой паёк.